Универсальный
БЛОКЪ-НОТЪ

Мюръ и Мериллизъ

МОСКВА

ОТДѢЛЕНІЕ

Канцелярскихъ Принадлежностей

№ 1261/1. Ц. 160/16.

Типография Мюръ и Мериллизъ.

ИЗЯЩНЫЯ

ПЕРЕПЛЕТНЫЯ и ФУТЛЯРНЫЯ РАБОТЫ:

Папки для юбилейныхъ подношеній.

Альбомы для видовъ.

„ для открытыхъ писемъ.

Бювары.

Портфели.

Переплеты нотъ и книгъ для подарковъ и подношеній.

Громадный выборъ заграничныхъ кожъ гладкихъ и фантази

209 Богородский полк
прапорщ. Таланов

„Марьина роща". 7 Января.

Морозная звездная ночь.
Низкая Янтарная Венера перед
разсвѣтом, поднимается выше,
остается одна из звезд, похожая
на яркую Янтарную бабочку.
Скрип шагов по снегу, такой
отчетливый вблизи, издали
не слышен. Навѣс блиндажек
под коновой. Ни сѣсть, ни повер-
нуться. Томительное ожиданіе.
Ноги то оттаивают, то снова
стынут. Цѣлый мір впечатлѣн.
Сквозь щель из-за положища
палатки голубое с розовым —
небо от зари. Золотом горя-
щая солома. Зайчик на стѣнѣ,

по движенію его — время. ×
Бурая тощая мышь проскальзывает по выточенным в земляной стѣнѣ ходам. Паук хлопотливо вертит какой-то тар.
„Секрет" впереди стынет в тумане. Бѣлое поле впереди с нетронутым хрустящим снѣгом и хочется пойти вперед просто и безпечно. Топот ног, как будто несется кавалерія — это солдаты замерзшіе в сосѣднем окопѣ грѣются, звонко раздаются на морозѣ их несдерживаемые голоса.
× Разноцвѣтныя алмазныя пылинки — в лучѣ свѣта.
Телефон: жи-жжи — ТЭ-ТЭ-ТЭ

„Сахалин" 3 января.
Ровное безжизненно-бѣлое поле, с застывшим стеклом луж. Безконечная тощая алея — дорога к помѣщичьему дому. Комнаты пусты и холодны. Стекла выбиты. Большая дальняя комната — телефонистов. Широкія кровати, мягкіе диваны, дорогіе часы, солдаты с винтовками и на соломѣ. В кухнѣ на асфальтовом полу раскладывают костер, грѣют воду. В наружной стѣнѣ зіяющія дыры с выбитым кирпичем — цвѣтом. На верху сохранившаяся ~~уютная~~ жилая комната, офицера, заставы, длинная, как в меблиров. комн. На столѣ священнописаніе, „Moltkes Briefe" о Росіи,

„Воспомин. Фридриха Великаго".
С чердака вид на поля, огороды, излучину реки и дома, за которыми ходят немцы.

Солдат, идущий позади роты — ротный лазаретный служитель всегда навьючен: вещевой мешок, лазаретная сумка, подушка с одеялом, палатка, чем то наполненная, лопата, топор. Его прозвали: „обоз второго разряда".

Окоп вровень с землею, занесены снегом, их не видно! Но чернеет окно, это вход в окоп.

Телефонист из окопа:
„Ваше б-и, вы не забудьте меня здесь, если будете отступать. Я телефон. трубку успею сломать".
„Дозоры" в чистом бельи хуже заводятся.

„Жертва вечерняя" — про тех, кто попал в безысходное положение.

Командир полка. Голова пятиугольная вершина на темени, гладко выбритая, на затылке светлеющая от лысины. Нижняя часть лица одутловатая, под круглым подбородком жирная складка на подбородке ямочка. На пр. щеке от уха ко рту заживший шрам, придающий лицо оттенок

суровости. Губы тонкіе и поджатые, усы сѣдѣющіе, подстрижены коротко. Глаза свѣтлые смотрящіе поверх ~~слушающаго~~, ~~собы~~ или мимо. Под глазами мушочки морщинок. Когда говорит, то напрягается шея и оттягиваются углы губ и все лицо краснеет до ушей и лысины. Слушает — руки за спину, подняв голову и смотря куда то мимо говорящаго свѣтлым безпредметным взглядом.

Сосны — пальмы сѣвера. Стройные стволы, снизу пепельно сѣрые, вверху оранжевые, как будто (навсегда запечатлѣли свѣт потухающаго солнца) Вблизи черепаховые.

Карточка танцовщицы снятая в эфесѣ шашки.

Сѣрая однотонная толпа, свѣрчающая мѣстами (лѣтники) и в нее вкраплены яркія пятна: красныя, зеленыя (шарфы), голубыя и синія (кружки), чайники)

„Вѣрно, никто, как божья воля правит всѣм дѣлам человѣческим. Свѣт божій теперь помрак".

Доктор плотный коренастый, немного сутуловатый с круглой лохматой головой, лицо широкое с глубоко-запрятанными карими медвѣжьими глазами, нижняя часть немного выдвинута, усы подстрижены и борода растет из под шеи. Говорит низким грубым голосом и сидеть, покряхтывая.

При заходѣ солнца вверху небо еще свѣтло и чисто, на западѣ облака лиловыя, под ними лѣс кубово-синій; перед лѣсом на снѣгу свѣтлая солнечная полоса.

Солдаты по зигзагообразным ходам сообщенія, наклонясь, гиныряют юркіе как мыши. В нѣмецких окопах ~~на~~ по ходам сообщенія видны головы нѣмцев. Черными точками они словно плывут по бѣлому морю снѣга, сходятся и расходятся в противоположную сторону.

Разрушенныя снарядами зданія издали похожи на пароходы.

Лепешками лежат снѣг на елях. Концы вѣтвей растопырены как бѣлыя лапы.

Про рвущіеся снаряды: „Все кашляет. Простудили должно быть. Еще бы-все на мѣстѣ стоит-холодно".

12-го января врачи справляли Татьянин день.

В лѣсу граціозная пугливая коза свѣтло-сѣрая, с большим бѣлым пятном на заду.

Золотой погон напоминал парчевую рясу, панихиду...

Квадратная комната с невысоким потолком, ~~стены~~ глубоко стены обиты красными обоями и кажется, от них исходит мягкий красноватый свет, успокаивающий, создающий уют. На окнах чистые кисейные занавески и плетены коричневые шторы с красными полосками. Широкие, и крепкие деревянные кровати, покрытые свежей ломкой соломой. Длинный и крепкий стол покрытый клеенкой, на нем лампа с абажуром и под коробки с тортом. В углу у окна ~~цвет~~ дерево в кадке — олеандр, на столике лавр кустом. Вся обстановка

создает впечатление уюта и мира. Никогда этот уют не цвел так, никогда так спокойно и сознательно не испытывалось наслаждение этими материальными благами. И в то же время так свободна душа от порабощения ими. Через два, три дня готова бросить этот уют, этот покой и промчать его на холод, на скитаны, на мокрые окопы. Вот где складывается мудрость жизни и истинная мера вещам.

Вещи познаются через их противоположность и относительность.

Постоянная поговорка:
„Талантъ жизни имѣетъ".

„Не могутъ итти".

Под лучами утренняго солнца в лѣсу ~~точно~~ алмазами усыпан разсыпчатый снѣг. Голубые, лиловые розовые, ~~огни~~ желтые огни как ~~драгоцѣнные камни разбросаны~~ вывѣдены по бѣлому покрову.

Исаак - ися - пися - песя - петя - Петр

На привалѣ: „тут то она ему и сказала!" (Возьмите вашего ребенка)

14-го января на развѣдкѣ убит прапорщик Григорьев.

Молодой, почти мальчик, с едва пробивающимися усиками, которые он безпрестанно щиплет. На губах милая блуждающая улыбка, глаза сіяющіе, с молодым задорным блеском.

У дороги могила, покрытая ланником. Крест из еловых вѣтвей. На доскѣ надпись:

Reservist Meiningnaus 1 Komp. 9 Rend. R. 5.	Musketier Nitzrl 10 Komp. Inf. R. 128	ein Unbekannt Gefallener Infant. Sept. 1914

С-ій.

Лицом и фигурой юноша, но в словах и жестах твердость, почти жесткость. Подстриженные усы не доходят до угла ~~края~~ губ. Взгляд холодный и твердый, упорный, глаза часто сощуривающиеся при всматривании и при сосредоточении мысли, при этом только поднимаются нижние вѣки и морщина рѣзко обозначается от носа до угла рта. Брови черныя, круглыя, как своды. На выстриженной головѣ оставлен клок-оселец. Самый храбрый офицер, знаток устава, любимец команды, которая в него вѣрит безгранично. Великолѣпный конькобѣжец.

„Я рад, что мнѣ не кому писать писем. У меня был брат, да

× и военной истории

слава Богу, его убили." Матери на оплаченную телеграмму: „~~Здоров. А~~ „Жив, Александр". Заболѣл тифом. Насилу увезли в околодок. Бунтовал, „не давали пить, черти, голодом хотѣли уморить. ~~Нач~~ А сами обѣды закатывают, ужины. Ночью встал, налопался, лѣкарства всѣ пожрал, касторки налопался — жирная, вѣдь — питательная". Ушел из плѣна. В дождь, слякоть ходил в развалившихся сапогах. Послѣ боя ходил по полю сраженья и стаскивал сапоги с убитых нѣмцев. „Человѣк у пятых таскал, примирял, да все малы были. Одного нѣмца толстаго таскал, таскал, не мог стянуть сапог. Затащил в окоп, уперся ему в живот, еле сдернул".

Надо воспитывать и учить. Вся беда наша в том, что мы не учены

„У нас солдаты были бы хороши, да у них совершенно нѣт знанія военнаго дѣла"... В законѣ ясно сказано, надо читать уставы, господа".

Мнѣ все равно, на моей душѣ и так много ~~душ~~ жизней.

У меня солдат знает: раз нѣмец прет, надо в него стрѣлять, затѣм он и поставлен. Так и надо воспитывать людей, а не нервировать их: будьте бдительны, не спите, готовится наступленіе. Да он всегда должен быть готов. Затѣм он и на войну пришел." Прежде тих, но когда напился так, что не помнил, что с ним было — тѣшил больше не пить: „Я так и с поэтом начальника могу броситься!"

Н. Ч. На вопрос государя: „Сладишь ли с нѣмцами?" — „С нѣмцами сладжу, а вот с нѣмками как не знаю."

При обсужденіи на военном совѣтѣ вопроса о мирѣ молчал, молчал, а потом: „Подите к е... м..." и ушел.

При критическом положеніи наших войск под Лодзью послал телеграмму Иванову: „Наступай".

Лицо с правильными привлекательными чертами, ~~сдѣлал~~ когда надѣл очки, сдѣлалось старым и неинтересным и стали замѣтны плохіе зубы. (Мос..)

Осыпанный и опутанный серебром хвойный лес. Правая сторона, освещенная солнцем, уже оттаяла и сквозь темную зелень хвой оранжево светлеют на солнце прямые стволы сосен, а слевой стороны ~~поляны~~ лес — в тени, и черные стволы и сучья в ~~серебряных~~ четко проступают сквозь серебряный звездный узор ~~хвой~~ ~~ели~~ и серебряный дождь березовых ветвей.

Пронзительный свистящий полет гранаты, поставленной на удар — ~~картечь~~ и оглушительный взрыв, гулко разносящийся по всему лесу.

~~Ветер~~ Шумящий ветер ночью в вершинах деревьев казался отпеванием.

На смерть товарища.

памяти В.Н.Г.

На снежном поле в час ночной
Из-за предательской засады
Сражен разведчик молодой
Свинцом, не знающим пощады.
Он был так молод и так рядки
Казались в нем раздумье и печаль,
Он стал начальником разведки,
Презрев в душе огонь и сталь.
Уж много раз в неравный бой
Он шел тропой губительной и зыбкой
И смерти жало пред собой
Встречал насмешливой улыбкой.
Нам горько. Прах его принялись
~~Мы не могли на~~

на след. листке.

Он пал... и кровью обагрил
Снега ~~невѣдомой~~ холодные гусбина,
Его никто не возвратил
Ни родинѣ, ни матери любимой.
Нам горько. Прах его принять
Мы не могли на дружескія руки,
И над могилой всѣх спаять
Тоской безвременной разлуки.
Но пусть безусилное тѣло
Досталось торжеству врагов, —
Они поймут, что доблестное дѣло
У нас родит героев — храбрецов.

17го Января 15 г.
Ангерапъ.

Перед наступленіем сумерек на бѣлом фонѣ снѣжного поля лѣс кажется голубым. (15 янв.)

„Вот и вышла из всего этого исторія с географіей".

Арабская пословица: „Человѣк который посадил кустик, дѣлается его рабом".

В Фигѣ хозяйка сдаетъ комнату: стоит 20 р., а если открыть дверь в этого комнату — 120 р.

Перед заходом солнца снѣг блестит как сахар и по склонам холмов, от лѣса и лошади легли длинныя лиловыя тѣни.

Пѣхотный офицер.

Какое там міровоззрѣніе? Ать-два! Боже царя храни. Вот мое міровоззрѣніе.

Далеко ли до мѣстечка?
— Пять верст с гаком.
А велик ли гак?
Да гак — верст семь. Вот и выходит двенадцать.

Еврейка: „Люди падают, как мухи. И совсѣм молоденькіе люди".

Куда вас, братцы, гонят? —
— На свалку.
Ваше б-и не слыхать-ли, скоро-ли будет замиреніе?

Батюшка: „Тот свѣт, милый мой — Колесо. Это вѣчность. Да. Мы вот здѣсь в пядку живем и пядь-то наш все умаляется, а там то не умалится ничуть."

Говорят, ваше б-іе, нас на отдых в Ригу пошлют.
Откуда же это извѣстно?
Да, все солдатский вѣстник распространяет.

„ЕКЗУ безсмертный лирой казачий Донской полк".

Хохол: „жизнь наша — матузонка"
(тонкая бечевка

Война мучительные роды
Готовит миру на землѣ,
Она заблудшие народы
Ведет к спасительной судьбѣ.
Война зажгла в грозѣ и бурѣ
Природы вѣчной письмена,
Она меня, раба культуры,
В дом отчий снова привела.
Мнѣ город шумный стал несносен
И улиц тѣсных суетный разгул.
Живу в землянкѣ среди сосен,
Мнѣ благостен их звонкий гул.
В окопах забываю холод,
Встрѣчая в жемчугах янтарную зарю,
И рад, когда я жадный голод
Солдатским хлѣбом утолю.

Привычной жизни мнѣ не чужды
Довольство и родной уютъ,
Но я познал, что горести и нужды
К свободѣ звѣздный путь ведутъ.
Я прежде жил в толпѣ случайной
Случайно ненавидим и любим,
Для міра гражданин опальный,
В страдѣ родной - бездомный
пилигрим.
Теперь с безъименным солдатом
Я рядом и иду и сплю,
С ним кровью спаянный, как с братом,
Страданья и кусок дѣлю.
И каждый день с волненьем
наблюдая
Величіе и мужество народа,
Как блудный сын, в слезах я повторяю
„Ему да будут счастье и свобода".

Мнѣ прежде жизнь без вдохновенья
Казалась сном и на яву;
Теперь доступен просвѣтленью,
Нѣт, не напрасно я живу!
Пусть говорят: кровавыя невзгоды
Война сулит измученной землѣ, —
Она заблудшіе народы
Ведет к спасительной судьбѣ.

Неу-балуконен
20-го января 15 г.

Подхожу к халупѣ, гляжу ~~под кожухом~~ под санями лежит кожух, я кожух поднял, а под ним человѣк лежит. Я его торкал, торкал. „Что ты, говорю, братец, гдѣ ты уснул-то?" „Не замай, говорит, пусть раздавят. Батюшка, нѣт ли кусочка хлѣбца? Падай, Христа ради".

И командир полка глядит на них и говорит: что же с них теперь взять? Словом только ободрить, да и слово не поможет. Люди собирались не по ротам, а по землячеству. „Эй, Вологодская, ложись. „Тамбовская сюда".

Развѣдчики.

(danse macabre).

Омытая вновь кровью в крещендѣ боевом,
Земля под снѣжным саваном
забылась тяжким сном.
А мѣсяц тусклый сквозь сѣдую мгу
колдует.
И души павших свѣтом призрачным
он манит и волнует.
Мы развѣдчики лихіе
Молчаливый чередой
На посты сторожевые
Пробираемся тропой.
В бѣлых саванах нѣмые,
Как Содома бѣглецы,
Слившись съ снѣжною стихіей
Рѣем мы как мертвецы.

Нас ведет товарищ смѣлый;
В свѣтѣ лунной полосы,
Он, как смерч, прямой и бѣлый,
Блещет лезвіем косы.
Он взмахнет рукою блѣдной —
Вихри снѣжные завьют.
Лишь сверкнет косой побѣдной
Пули-пчелы запоют.
Властно правя нашим ходом,
Он кружит нас хороводом.
Мы взметнем
И прильнем
Ко снѣгу
На лугу.
Разойдемся
Вновь сойдемся
Под навѣсом
За совѣтом.

Гу! гремит
И звенит.
Слышен стук колес, —
То орудье иль обоз.
На рѣкѣ
Вдалекѣ
Трохот — бревен сброс —
Это „он" наводит мост.
Вот близок пост,
Застава, вѣрно, спит.
Но часовой маячит во весь рост.
На каскѣ тусклой штык блестит.
Тихо, тихо подползем
И возьмем
Его живьем,
Не убьем
И не оставим,
В штаб доставим.

Пленных мы своих не мучим,
За него мы крест получим.
„Крест сосновый,
Гроб тесовый" — (Сон гробовый)
Слышен вьюги сиденной вой.
Наш товарищ машет острою косой
Засвистели и запели пули —
Вдруг заторатория гробно слышно, перелет.
Где-то заработал близко пулемет.
Ниц падите,
Не бьите.
Кто отступит,
Всех погубит.
Если близко патрули,
Бросимся в штыки.
Вот падучею звездой
Свешит яркая ракета.
Раздается за рекой
Свист тревожный где-то.

Тихо все... На шоссе ясняют вехи.
За фольварком уже пропели
пятухи.
Мы исчезнем на разсвете,
Как видения легки.
Туманы мглистые в дрожащем
свете утра тают,
И с ними ночи призраки, как
тени, исчезают.
Во все концы несется благовест
пылающей зари
И шлет она земле, как слезы
сквозь улыбку, и
жемчуга и янтари.

Скалишен.
27 января 15 г.

В свѣтлом, однообразном, как голубая пустыня, небѣ плыла свѣтлая ~~ладья молодого~~ с розовыми концами ладья молодого мѣсяца. Голубое сіяніе, исходившее от неба, было пламенным парусом. Рѣдкія звѣзды свѣтили (5 апр.) далекими безтрепетными искрами.

Башня у стѣны казарм (на фонѣ голубого неба) казалась, ~~была~~ из стараго литого серебра.

В полдень воздух струится вдоль нагрѣтой стѣны барака

28 января

Отступленіе.

Три дня дует неослабѣвающій острый вѣтер. Он поднимает сухую снѣжную пыль; в низинах нагромождает сугробы снѣга, а на лобовых мѣстах сдувает весь сніг, обнажая темную промерзшую землю.

Первое выступленіе с саперами и возвращеніе. Просвѣтленіе на лицах, общая радость. И опять покорность судьбѣ.

Ночь в лѣсу. Снѣг лежит пухлыми волнистыми пеленами. Небо чисто и звѣздно. Большая мохнатая ель кажется

Солдаты тащат по сыну нѣмцев. Старуха упирается не идет, падает на снѣг и жалобно кричит. Изуверенный солдат стоит перед ней безпомощно.

сверху до низу усыпанной звѣздами.

Вдали и сзади большое мерцающее зарево пожара, от котораго на снѣгу кажется свѣтлѣе. (товарные склады в Гольдапѣ) Саперы с ротою отрывают снѣг на дорогах, медленно продвигается обоз, за обозом полк. Слышны одиночные взрывы. Чувство тревоги и безысходности.

30-го янв.

Ночью в Гольдапѣ. Пустынно, в отдѣльных домах освѣщены одиночныя окна. На площади остановился обоз, собирается полк. Уютный чистенький городок, почти не пострадавший от снарядов (?) Улицы узкія и тѣсныя, домики аккуратненькіе, тѣсно прижавшіеся с нахлобученными высокими крышами, став боль квадратными окнами с зелеными ставнями, которые закрывают дом на глухо и ему кажется тогда, что его никто не видит. Каждый А днем окна смотрят друг против друга и каждый домик судачит с своим сосѣдом и передает ему то, что дѣлает его визави. Перед уходом из города войска зажгли какое-то правительственное зданіе. Туча грязно-сѣраго дыма, черная и сливающаяся с небом по краям разметалась над домом. Из разбитых окон вырывались языки пламени

и похоже было, как у какого-то ~~такого~~ зловѣще-веселаго чудовища, ~~к~~ который смотрит безглазым золотым ликом из средины дома, ~~и~~ взметаются по вѣтру огненно-рыжіе буйные волосы.

Огромное сплошное зарево вблизи казалось рядом больших дымных костров, догаравших на мѣстѣ прежних складов.

На бѣлом фонѣ снѣжных холмов ясно чернѣли отдѣльные кустики и елочки. И при ~~вним~~ напряженном зрѣніи от волненія, как это всегда бывает, кажется, что отдѣльные предметы, кустики и елочки постоянно маячат перед глазами. Вот выскочили три всадника остановились на холмѣ и то отпрянут, то вновь выскакивают. На мѣстѣ кустарника движется пѣхотная цѣпь.

Прожерось 31 января.

Тихо и темно на деревнѣ. Деревня чернѣет избами, тѣсно прижавшимися и лѣпящимися в безпорядкѣ по склону оврага. Кое гдѣ красным, не свѣтящим глазам смотрят избушки. Слышен лай собак. Издали уже пахнет дымом.

Дымная русская деревня.
Впечатлѣніе жуткое и таинство загадочное, чувствуется какая то неразрывная и роковая связь с деревней, от которой и сила и боль на сердцѣ.

Опять друзья-литовцы: паны и паненки. Вшиско едно, сопранто, жербата, пенецы, главные пенецы. Не, не ма, нам, ни цего не ма — а покажи бумажку и все на стол явится; и молоко и колбаса литовская, и курица жареная. (Разсказ Климова)

В тѣсной грязной литовской хатѣ при свѣтѣ коптящей лампы офицеры спят, как попало: кто сидя, кто лежа, кто скорчившись на сундукѣ, кто просто стоя, опершись о косяк двери. Солдат набилось столько, что ни пройти, ни повернуться и всѣ спят мертвецким сном. Утром паненка вопит на нудным голосом: „Солдатики, миленькіе, родненькіе солдатики. Да не заходите же больше, вѣдь же нѣту мѣста. Ребенку дохнуть не можно".

Зачинаю дверь

1 10 фев. Сувалки. Небольшой опрятный городок. Національная гостинница. Городской сад. В нем статуя богоматери с благословляющими руками и подписью:

Яркое весеннее солнце. Осяд-
нительный тающій сніг,
сіяющія лужи, веселые воробьи,
лазурь в разрывах облаков.
Проблеск надежды, бодрость
и оживленіе. Адъютант на
кровном гунтере скачет
с ординарцем по тротуару.
Конь звонко гремит копытами.
Красивый молодой прап. Соколов
при штабе дивизіи летает
на коне, улыбающійся, спокой-
ный, но бытски хмурит
черные брови и улыбка
не сходит с тонких губ,
Кот. красиво оттенена
черною бородкой. ~~Это тот~~
~~Сер. Кривошеин~~.

Небольшая деревушка около
Сувалок. Весенний вечер
с запаздывающим колючим
свѣтом и грустью сумерек.
В одном из садиков за
мокрым почерневшим забором
верба с серебристыми
пушками на тонких красно-
ватых ветвях. Воспоминаніе
бытства, молитвенного
праздника — слезы подступающія.

Большое поле, перед ним внизу
озеро, тускло отливающее
сахом. На глади его несколько
округлых островов, поросших
редким лѣсом и кустарником.
Этот берег на крутых выступах
свободен от снега, пахнет

сырою землей, оклочена буря
прошлогодняя трава и
зеленые листочки свиней.
За бугром над озером
старая корявая яблоня
развесила растрепанные
вѣтви. На полѣ собрался
весь обоз. Пріѣзд начальника
дивизіи. Стоит в отмецком
экипажѣ, друзья за грядку.
Собирает и ведет передовой
отряд. Лица у ~~всѣх~~ солдат
густо красныя, почти лисовы,
в глазах безпомощное, ищущее
выраженіе, как у дѣтей,
не знающих, к кому прилѣпиться. У многих растерянность и слезы.

Плѣнные отмецы в сѣдых
шинелях в бескозырках с
крошечными полями или
лакированных касках, поверх
кот. защитный чехол.
В избѣ спят рядом с нашими солдатами, не столько
удрученные, сколько утомленные. Наши угощают их
чѣм только ѣ могут и
бесѣдуют с ними самым
дружелюбным и спокойным
образом. Спорят без всякой
злобы и раздраженія, скорѣе
шутливо.

3 фев. После боя, разсказ молодого,
отомченца* у костра ночью на
снѣгу. Полное спокойствіе в той,

* Молодой, с едва замѣтными усиками, коренастый и крѣпкій, лицо равнодушное.

без всякой хвастливости, а
даже с предчувствием, несмотря
на побѣду, пожелаю полученія.
„Бой сегодня здѣсь был, вот теперь
сорѣваемся. Здѣсь его силы
было много, мы два раза
в атаку ходили на 105 дѣту
деревню, а 105-ый из лѣса во фланг
заходил. Он нас орудіями
сильно зашибал. Все по
дорогѣ сидит и сидит, правильно
очень он прицѣл берет.
Как посмотрит, сразу
угадает. Потом мы на
них в атаку пошли.
Все равно, нам был бы каюк.
Ротный командир нас

собрал и говорит: Вы,
братцы, нам и так и так
все равно погибать. А
нѣмца отобьем, прорыв
сдѣлаем и всѣ пройдем.
Батальонный командир
у нас помер. Чудно, ни одной
и раны только не нашли, сам
пошел в атаку и помер
сразу. Разрыв сердца, зна-
чит. Теперь он слѣдующую
деревню займет, его оттуда
выбивать надо, он ни за что
свой волей не уйдет."

У раненаго нижняя часть лица
закута какой тряпкой и
кажется безобразно раздувшейся
и темно лиловой от крови.

Разская раненого.

Водки пьют ли, не знаю.
А голодные всё страсть какие.
Как меня ранило, у меня
сухарей было много — с полмешка
было. Вынул я сухарь пожевать.
А он (немец) как увидит: дай
говорит. Я подал сухарь, он
говорит: мало, дай еще. Я
опять дал, а тут кругом
просят, дал одному, дал
другому. Смотрю, у самого
ничего не осталось.
Для чего нас ведут, говорят
не знаем.
Значит и им также плохо
Как и нам?
Да все одно, также самая.

Проклинают войну.
И за что это муку такую
принимаем?"
Всё спят в повалку. Плен-
ный немец хранит, положив
голову на живот нашего солдата
наш пристроился к спине
немца. „Ишь, вчера враги были, а.
Раненый в ногу солдат
силится подняться опираясь
на обе палки.
В тот раз отступали,
фрукта была. А теперь чем
ты будешь питаться? Снегом?
От снега сыт не будешь.

Ночью в лесу нападены на обоз.
Около домика, где перевязочный
пункт, и вместе для красного креста,

поставлены пулеметы при выходе дороги из опушки, а по опушке разсыпались цепи. Ночью обоз спустился по лесной дороге вниз. Безпрерывный пулеметный дождь, льющийся эхом по лесу.
Нѣмецкий пулемет работает редко и с частыми остановками — строчит.

В тѣсной непотопленной избѣ остановился штаб дивизіи. Начальник дивизіи пьет из стакана мутный чай с единственным куском сахару в прикуску и берет пальцами со сковороды на скоро поджаренные кусочки сала. Про вчерашний день говорит: „Это самый тяжелый день в моей жизни."

В литовской избѣ при переправѣ. Сначала: хлѣба не ма; ни цего не ма. А потом, как показал трехрублевку — и жареная колбаса, и молоко, и хлѣб.

Дорога по берегу озера. Вот позиція: озеро бѣлое, снѣжное, а скат у дороги черный, оттаивший.

6-ю древ. Лакины. Большая покинутая усадьба. Старый барский дом, бѣлый с колоннами и большими прямоугольными окнами. Штаб корпуса и дивизіи. Извѣстіе о том, что нѣмцы заняли приготовленныя нами позиціи перед Град. Общая растерянность и смятеніе.
Начальник штаба красный от волненія с лихорадочным блеском

в красивых черных глазах раздает офицерам казенные деньги и оставшиеся сумчат над плитой. Красивый и жизнерадостный Соколов с осунувшимся и смущенным лицом запрятывает деньги. Исс. равнодушный ко всему и сумрачный бродит бездельно по комнатам и избегает смотреть в глаза. Все сидишалось, весь штаб потерял всякие разграничения и отличия в чинах и старшинстве. Спокойный, самоуверенный и блестящий прежде он спутан, смущен и напоминает школьников, заглядевших опасную игру и попавшихся в неумолимые руки. Начальник дивизии, страшно осунувшийся, с сухим как мощи, узким лицом, к которому

не подходит окладистая седая борода, черная как корзинка, живыя глаза сохранили молодой блеск. Он один не унывает. Рассказывает анекдоты, приводит воспоминания. „Я в таких паниках бывал, что казалось, совсем нет выхода, вот будет крышка и все изворачивался" преходилось, как говорят, к хирургу еще в турецкую войну, чем когда государь Ал. Ник. стоял против турок в армии, я на острове должен был охранять штаб. Нас окружили вот как, ну просто клади оружие да и сдавайся. А выскочил таки. Эта паника, господа, страшная вещь. В деревне поезд. Я всякий раз на поезд деревенский

бегал, любил я это зрелище. Так вы посмотрите на бабу деревенскую, когда изба горит. Сватит лукошко с ~~двумя~~ парою яиц, и носится с ним и голосит: и ничего с ней не поделаешь." Какой то генерал напыщенным и театральным голосом, отчеканивая как на сцене слова, говорит: „Господа, позвольте вам в эту тревожную минуту сообщить новое, весьма утешительное известие. Получено донесение... Господа, получено донесение, что ~~замечено~~ постоянное и безпорядочное отхождение неприятельских обозов на сверх. Госп., этот факт чрезвычайно замечателен. Вместе же время явственно слышна отдаленная канонада со стороны Литвина. Если этот факт, господа, сопоставить с полученным донесением, то мы могли сделать тот вывод, что к нам, господа, идет помощь.

Командир корпуса маленький толстенький человек, с круглым бабьим лицом, подстриженными усами. „Господа, тяжелое испытание послано нам судьбой, но помните, что без воли Господа Бога ничего совершиться не может. Мы устали, измучены, люди ничего дня без пищи, но мы делаем все, что можем и делаем, господа, отлично. Я не хочу себя хвалить, это к вам, господа,

также относится, но без
хвастовства скажу: все,
что мы задумали, нам уда-
валось. А потому, что я дѣ-
лал не так, как он, враг,
хочет, а как я хочу. Он
заставлял меня все время
идти на восток, а я
шел на юго-восток. Дайте
людям отдохнуть, накормите
их. Господа, бросьте предубеж-
деніе. Конина превосходная
вещь. Я сам ею питался,
когда еще был в корпусѣ.
А потом мы поддержим
своих, которые идут к нам
на выручку. Но, помните,
господа. Никто как Бог.
Он не допустит, чтобы мы
погибли и вернет нас к родной армии

В послѣдніе дни отступленія
солдаты в лѣсу нашли
павшую лошадь, руками рвали
сырое мясо и ѣли.

В штабѣ корпуса над плитой
сжигали казенныя деньги.
На снѣгу в лѣсу открытая
корзина и разсыпанныя из нея
вещи: бѣлье, мыло, щетки и
пачка дорогих писем на снѣгу, в грязи.
Обозы и пѣхота прижались
к опушкѣ лѣса в ожиданіи нехо-
боя. На дорогѣ проведен телефон
и трубка повѣшена на дерево.
Начальник связи берет трубку.
„Алек Ник, что новаго сообщила
развѣдка? Командир корпуса приказал,
чтобы артиллерія ограничила

стрельбу и если идти особых задач, то прекратить совсем. Вы понимаете почему? Надо беречь снаряды".

Дивизионный врач, старик с небольшой седой бородой, близорук, смотрит через пенсне из под-лобья, нагнув голову и потом (вопросит) ~~пенсне~~ поднимает ~~голову~~ ее, смотря на собеседника. „Я совершенно не знаю, что я буду делать. Лазаретных линеек идти, всё уничтожены, повозок не хватает — нам некуда класть тяжело раненых. Перевязочных средств тоже идти. А они все идут и идут. Просят помощи, а помочь нельзя. Я готов себе пулю в лоб пустить. Голубчик, пойди к фельдшеру, скажи, чтоб он тебе сделал перевязку и скажи ему, что я приказал тебя на повозку положить. Так и скажи голубчик, старший врач приказал". Солдаты так и зовут его: „голубчик. Такой старательный, сам всегда все делает: и осмотрит и перевяжет. Фельдшера оттолкнут „пусти, ты не так делаешь я сам перевяжу". Хороший доктор, заботливый".

15-го февр.

Лиса. Отходивший от станции поезд был переполнен солдатами, перевозимыми с французского фронта на русский. Во всех окнах мелькали безкозырные

фуражки в красных околышах и ~~бѣлые платки~~ мирт[illegible] вѣтви, воткнутыя в окна и бѣлые платки, которыми размахивали отъѣзжавшіе солдаты. Они пѣли „Wacht am Rein", мало бегущая лица их были взволнованы и морщились от слез, которых они не могли скрыть. Но тѣм громче ~~он~~ и настойчивѣе они пѣли родныя слова гимна и возбужденно махали руками остававшимся на платформѣ. Ун.-оф. конвоя с достоинством и товарищеским привѣтом прикладывал руку к козырьку. Сестры милосердія всѣ в бѣлом махали платками и плакали. Какой-то штатский кѣмец, прямой и безукоризненно одѣтый, отвернулся в сторону. Поѣзд прошел, но пѣвучія слова гимна еще долго долетали до оставшихся.

---

8 февраля.

Неизвѣстно уже по какому направленію и куда двигались люди и обозы. У командира корпуса оставался единственный план пробиться ~~на~~ через Богатыри на Бартника. Но и у мирных чинов и у командиров была потеряна надежда на успѣх этой и всѣ двигались, потому, что нельзя было не двигаться, надо было что-нибудь предпринимать и делать всѣ, что что-нибудь могут выдти.

В лѣсу опять застряли артиллерія и обозы, а по лѣсу раздавалась ружейная стрѣльба и гремѣла, несмотря на ранній час, канонада. Дорога из лѣса выводила в долину, гдѣ около плотины притулилась мельница и деревянный домик, обнесенный старыми ветлами. Кругом возвышались холмы, поросшіе молодым лѣсом и в складках между ними прятались дороги, по которым войска искали спасенія. Здѣсь в этой лощебинѣ все сосредоточилось. К мельницѣ шли колонны, спускались обозы, мчалась артиллерія. У плотины мост был разобран пѣшцами и там

Кипѣла работа: таскали бревна и накладывали на цѣлѣвшія сваи. Здѣсь скучились обозы, орудія, люди. По склону холмов направо разсыпались цѣпи, рылись окопы, на гребнѣ устанавливались батареи, и с этой стороны уже сыпалась ружейная трескотня. А с-лѣва, гдѣ сапѣл и дымился лѣсок по склону холмов уже гремѣла канонада и тяжелыя снаряды с глухим и коротким шумом разрывались по склонам и вздымали столбы чернаго дыма. ~~Люди~~ Солдаты забились в болото, замерзшее под снѣгом и кучами сидѣли и бродили среди жидкаго кустарника, ища спасенія. За плотиной дорога

вела через заводку, построенную заранее немцами. Дальше дорога уходила в складку между холмами и все устремлялось в это ущелье по направлению, откуда еще не летели снаряды. Но уже шрапнели сзади и со стороны стали долетать сюда и по дороге началась суета и паника. Солдаты, отбившиеся от своих частей, потеряв строй, спасались каждый за свой страх. Они рыли наскоро окопы в песчаном грунте и старались глубже спрятаться в них. В ~~ямах~~ кругах, как нора, ямах они лежали свернувшись и спрятав в голову, равнодушные ко всему на свете и спокойно ожи-

давшие своей участи. Многие спали. Снаряды летали и свистели, казалось, по всем направлениям. Лошади останавливались и нельзя было их тронуть с места. В одну из передних повозок упал снаряд, поранил лошадей, разбил повозку, ~~и она пре-~~ ~~градила~~ дорога оказалось преграждённой. Зарядные ящики стояли покинутыми, ~~под~~ некоторых за колесами сидели сучавшиеся испуганные люди. Какой то солдат забился под ящик и лежал между колесами, втянув голову в плечи и не шевелясь.

Люди бросались из стороны в сторону и перебегали лощины, чтобы спрятаться за склоном и в лесу. Но свистящие стремительные снаряды настигали их всюду. Со всех сторон слышны были стоны раненых, но среди гула орудий, крика людей, ржанье лошадей они доносились, как сквозь туман, слабыми, отдаленными. По склону в воротах окопах жались артиллеристы, побросавшие на дорогу свои ~~обозы и~~ зарядные ящики и передки. Другие бежали к ним в паническом страхе. Над ними разорвалась шрапнель и один солдат упал, ~~ко~~ во весь рост и застыл,

уткнувшись ~~носом~~ лицом в снег. Только мелькнуло, как при падении что-то вдруг брызнуло из его головы. Перебежал дорогу. Оставшая на задних ноги раненая лошадь билась в постромках, не в силах подняться. Хотел было влезть в окоп, но там под навесом сидели сжавшись офицеры штаба и смотрели испуганно и враждебно. В частом ельнике остановился и бросился на снег. Спрятал голову между стволами двух елей и при свернулся в клубок. Шрапнели с унылым, предостерегающим свистом пролетали над головами по трем разным направлениям. Они

с треском разрывались над головой и пули, освободившиеся от разрывов, свистели и жужжали, слышался треск ~~отломленных~~ сбитых вѣток и гул разносящийся по лѣсу. Но самое страшное — были шрапнели, поставленныя на удар. Онѣ летѣли по отлогой траекторіи, с свистящим, пронзительным звуком и чувствовалось, что шрапнель летит прямо в лоб. Прижимался лицом к землѣ и закрывал голову руками. „Вот сейчас, вот будет конец" — отдавалось отчетливо в уже и все на миг застывало в ~~спокойном~~ томительном ожиданіи. Внезапный взрыв

потрясал воздух, летѣли сучья, и снѣг, смѣшанный с грязью, забрызгивал шинель и лицо. Перед глазами какой-то туман и горький запах пороха. А вверху все поют и свистят пули. Жалобно стонут шрапнели и тяжело рѣют гранаты, посылаемые из наших орудій. Прибѣжал на прежнее мѣсто и не узнал. Так гдѣ была молодая рощица, остался лишь кустарник. Все было снесено снарядами и образовалась естественная засѣка. Снѣг, чистый и нетронутый здѣсь ~~[illegible]~~ нѣсколько минут

тому назад, стал спрыгом
от пепла и пороха.
Понемногу ~~стр~~ канонада стала
стихать. Слышались неясные крики,
скрип колес, возбужденные голоса.
И среди них спокойный и
отчетливый голос. „Открыть
огонь по непріятельской батареи,
прицел 800. Давай огонь."
~~Взрыв~~ Залп из ~~четырех~~ шести орудий,
как рев обезумевшаго, чувствующаго свою гибель чудовища.
И где-то сзади раздельные
тяжелые взрывы снарядов.
Среди наступившей тишины
впереди и справа отчетливый
и неторопливый стук пулемета: та-та-та. Перерыв
а пять спокойно и отчетливо,

должно быть близко — та-та-
-та-та, как будто строчит.
Надо искать своих, нельзя же
пропадать одному, убьют или
ранят и никто не увидит.
Спускаюсь в лощину и у
дороги вижу окоп, глубокий
закрытый, вырытый накануне
немцами в нашу сторону.
(Продолжение в дневнике).

На двери клозета ~~в~~ на форте
Кейсе надпись: „Reserve 1912
hat noch 209 Tage, dann heilige Re

В пятну наши солдаты собирали
выброшенные очистки картофеля и ели
в сыром виде. (см. дневник)

На оттаявшей бурой землѣ фіолетовыя пятна от сгнившей кленовой листвы (3 ма

*(См. дневн.) Наш солдат стаскивает с убитаго нѣмца сапоги и приговаривает: „Тебѣ сапоги не нужны, ты ~~мерт~~ все равно, мертвый. А у меня развалились."

„Хлѣб соль вмѣстѣ — табачек врозь".

На нѣмецкой открыткѣ, на которой изображен кавалерист из-за спины лошади смотрящий на лагерь вдали:

„Morgenrot, Morgenrot leuchtest mir zum frühen Tod".

8ое февраля 15г.

В лѣсу, гдѣ пировала смерть, затих ~~кипѣл~~ кровавый бой.
Кровь алая пошла снѣг, курился дым пороховой,
~~Тогда~~ Глазам моим открылось вновь сіяны радостное дня,
И больше не было вокруг ни ужа ни смертнаго огня.

На окровавленной дорогѣ конь стоял с недвижным сѣдоком
В тяжелой каскѣ, за спиной с при кнутым тесаком
Казался он музея старины фигурой восковой,
А перед ним герои сѣрые стояли

с поднятой рукой.

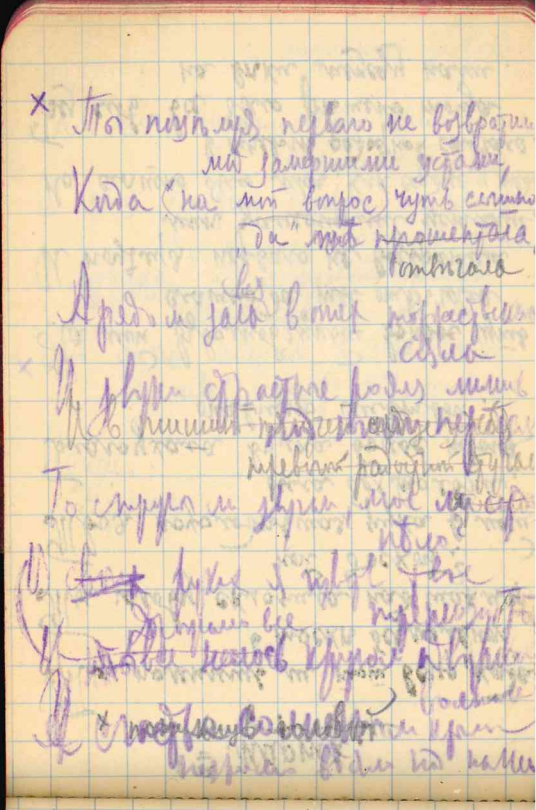
Ко мнѣ безсильному приблизился
надменный враг,
С меня оружіе сорвал и злобно
бросил в прах
О родина! А вновь только здѣсь
~~с болью~~ жгучей
В [illegible] тогда
почувствовал, что на мнѣ ма
Пусть
Что лучше смерть в бою, чѣм
твой позор переживать.

Нейсе
24 февраля.

1ое марта.

Ты помнишь ли тот вечер, когда
в тоскѣ безмолвной
Ты голову склонила над шахмат-
ной доской?
Твоя похолодѣвшая рука в моей
была безмолвна,
Благоухала волна волос твоих
опавшею листвой.

× На мой взволнованный вопрос чуть
слышно „да" ты отвѣчала
И поцѣлуя перваго не возвратила
мнѣ замершими устами,
Но слышно было мнѣ, как сердце у тебя
в тревогѣ радостной стучало.
Без слов все было рѣшено тогда
на вѣки между нами.



× Ты поцѣлуя перваго не возвратишь
мой замершими устами,
Когда (на мой вопрос) чуть слышно
„да" мнѣ прошептала,
отвѣчала
А рядом зала вся в огнях торжественных
сіяла
И звуки страстные рояля лились
Ко [illegible] перстам
[illegible]
То струны ли звучали, мое ли сердце
пѣло?
И ~~[illegible]~~ руки я [illegible] все
[illegible] все [illegible]
И ~~[illegible]~~ нелось кругом [illegible]
[illegible] волнами
[illegible]
[illegible] вдали под нами

А рядом зала вся в огнях торжественных горѣла.
И звуки страстные рояля лились
под юными перстами
То струны ли звучали, мое ли
сердце пѣло —
Все плыло предо мной пѣвуче-
свѣтлыми волнами.

К тебѣ вернулся я. Ты у окна
раскрытаго стояла.
Глаза твои сіяли, и слезы в них
дрожали.
Я плел прощнее твое. Ты мнѣ
на грудь упала.
И счастья бурнаго восторг мы
в этот миг познали.

Нейссе.
3го марта 15г.

Вы, безсильно-мятежныя
Облака бѣлоснѣжныя,
По воздушному морю
Чуждыя горю,
Плывете к далекой невѣдомой цѣли.
О, если б и мнѣ так легко
миновать всѣ чрезвычайныя мели!

12/IV Часов в 10 утра, в жаркій день бѣлыя облачка то образуются, то тают

Я плѣнник, я скован
Неволей тюрьмы.
Мой круг заколдован
Судьбой, не людьми.

Напрасно побѣдно
Хранит часовой
Мой путь заповѣдный
За башней крутой.

Не тѣшься, надменный
Враг, местью дыша.
Мечтой вдохновенной
Крылата душа.

Нѣт ей, мятежной,
Ни ков, ни затвор

Игры.

Любимая игра французов „la boulle" совершенно не соответствует их живому характеру. Это игра каких нибудь китайцев.

Фут-бол — горячая, безумная игра. Мяч кажется огненным, об него обжигаются, взять руками его нельзя, он распаляет своею энергией, которая возвращает ему с удесятиренной силой. Самая характерная игра для англичан тэнис. Какая электрическая сдержанная энергія. Какой лаконизм слов и движеній.

Пред нею безбрежен
Лазурный простор.

Я мыслью послушной
Земное оставлю
И путь свой воздушный
На солнце направлю.

Мнѣ внятно нетлѣнных
Созвѣздій теченье,
И круга вселенной
Свѣтло завершенье.

Мнѣ жалки, о люди,
Всѣ ваши игрушки,
Истребленья орудья:
И тюрьмы, и пушки.

Для чувства кипучаго
Грань безпредѣльна,
С мыслью летучей
Оно нераздѣльно.

Не могут преграды
Унять его плеск.
Источник отрады
Нам — благость небес.

Но если тягучей
Тоски не убью,
Я в пѣснѣ пѣвучей
Ее изолью.

Не смѣйтесь безпечно
Над плѣном врагов —

Грозен дух вѣчный
Для ваших оков.

Мой круг заколдован
Судьбой, не людьми.
Он будет раскован,
Не вами, не вами хранители
тьмы!

12/III 15.

Громоздятся на западѣ тяжелыя кубовыя тучи с золотой каймой; из за нея вырываются расходящіеся по радіусам гигантскіе столбы свѣта. Они золотят края верхняго облака, и проходят через него, отчего оно лиловѣет. Нижняя туча разрывается и открывает малиновую полосу с пылающим как уголь безформенным солнцем.

Разсказ от Филофея.

Теперь у нас в монастырѣ пѣніе расчудесное. У столичных жителей пѣвчих, значит, работишка, кончается. Они всѣ к нам на отдых, кашки поѣсть, праздничек встрѣтить да подправится. Приходит такѣ, на чего на нем нѣт ни бѣлья, одежишка вся истлѣла один галстух „собачья радость" на шеѣ болтается. Архимандит его спрашивает: как же ты это, братец, дошел до того, ничего нѣт на тебѣ. „Да, что говорит отец, сами знаете. Пропуст

Ну архимандрит скажет. Бы с ним. Надо его пустить, ясно. Лучше нищаго не пустить, а того уже надо. Отведите его на кухню. Дадут ему кембку на двоих одну, поставят самовар, скатерть чистую, одѣнутъ, обуютъ. Он и живет, пригрѣется. А когда нужно по дачникам службу какую нибудь справить, уже ему самые хорошіе ходы дают ~~зовают~~. Очень дачники ублаготворяют*. И есть за что. Голос прямо удивительный. Он „разбойника благоразумнаго споет", я сам ему на бутылку ~~дам~~ они думают, что он монах.

подрясничек камлотовый

Или „Кой-сто небесный"

дам. Так вот поживет недѣльки 3-4. Потом просится: теперь благословите уйти из монастыря. Покорнѣйше благодарим×. Ну его понятно не задерживают. Ступай с богом. Опять его одѣнут по мирскому. И самоцвет ему оставят и брючки люстриновыя сошьют. И галстучек его „в собачью радость вернут" ему. Так он на гвоздочкѣ за номером и висит до тѣх пор.

× Мѣстечко вышло

Полярній обычай:

На первый день Пасхи наливают в улицы чистой воды и на дно кладут освященное красное яичко, чтобы мечтко было всегда чисто и свѣтле.

~~Темны~~ На свѣтлом небѣ темныя, разорванныя, пятнами похожія на мишайники тучи на свѣтло-зеленом фонѣ вокруг голубой сіяющей луны ~~и с б~~

V с бурыми ржавыми краями

Свершилось! На крестѣ сыновній умер смертію раба.
Был час шестой. Бог умер смертію раба.)
Померкло солнце. И тьмой была бо'ята
Земля. Завѣса храма на двое раз'ята,
И в содроганіях раскрылись древніе гроба.
На утро вновь увѣла іерусалимская долина.
Пуста была пещера и вход ея отверзт.
В слезах склоненная пріяла Магдалина
Ликующую вѣсть, чрезвычайную окрест:
Христос воскрес!

В наш век распято вновь божественное Слово,
Алтарь любви закрыл рукой железной вождь.
Свет дня затмили тучи и льют кровавый дождь
И для безчисленных могил земля раскрылась снова.

В благословенный день Святого Воскресенья
Мы верим в тайну первозданную чудес,
И молимся, чтоб мир любви и всепрощенья
Над грешною землей, несущею кровавый крест
воистину воскрес.

19 марта 15 г.

Великий Четверг (19 м.)

Люблю в великий четверг
Я чтенье двенадцати евангелий,
Когда в храм, как в царственный терем
С свечами-звездами слетают ангелы.

Сквозь синий дым кадильный
Как серебро звенит хвалебная их песнь,
И облетают пастырей круг гибкий
Дней скорбных трепетная весть.

Предательство Иуды, и отреченье Петра
И муки смертные, и погребенье
Иисуса, снятого с креста—
Живое будят в нас волненье.

Полковник Г:

Они (ин. лицы) пріятеля себѣ потом не найдут. Это дохлое племя. Я знаю русскаго мужика. Он многое стерпит. Стерпит, если и морду ему набьют и живота лишат. Но если его силой забрали, да издѣваются над ним, он это за грѣх считает. А то, что он за грѣх считает, он не простит. И если бы издѣвались в сердцах, с раздражением, а то хладнокровно, систематически. Нѣт, он этого не простит.

В нем слезы радости с тоской страданья,
И в дом несут его храня,
Как свѣчи трепетной мерцанье
Возженное от вѣчнаго огня.

20/VII

6го іюня

Горы — окаменѣвшія волны
огромнаго гигантскаго моря.
Колосья ржи — шелковистые
От волнующейся ржи как
будто идет пар.
Стальной отлив нивы.

25 іюня Красные маки во ржи.
Пламенѣющія грозовыя облака
Бѣлая стѣна дома с коричневыми
балконами, увитыми зеленью:
на них цѣлый цвѣтник юных
головок.
Над рожью висит кончик,
часто маша крыльями.
Сѣрая цапля с красным, отягчающим
клювом.

К иллюстраціи в „Wiener
Illustrierte Zeitung" N.13. 1905

При торной дорогѣ гранит возносил
Над полями Христа изваянье,
И путник к подножью креста приносил
Души наболѣвшей и скорбь и рыданье.

Но бой налетѣл вдруг как огненный шквал,
Земля задрожала в громовых раскатах.
С пронзительным воем в святой пьедестал
Ударила тяжко граната.

Взвился вихрь черный, сквозь дым
Запылало священное древо.
Но силой чудесною был невредим
Образ пречистаго тѣла.

Навмахія — морское сраженіе, зрѣлище при имп. Клавдіи.

Когда же разсѣялся душный туман,
Христос нисходил по незыблемой грани
И кровью живою сочились от ран
В мольбѣ вознесенныя длани.

Врагам, отвратившим в смятеніи взор,
Раздался среди тишины,
Как нѣкогда Савлу, громовый укор:
„О люди, за что меня гоните вы?"

29 марта
1915 г.

На заднем дворѣ казарменного плаца растут старые каштаны. В началѣ апрѣля на вѣтвях появились розовыя, как у яблони, распуколки. Потом они выросли, приняли яйцевидную форму, пожелтѣли и по утрам на ~~них~~ бархатистых, выступал ~~уже~~ янтарный густой сок, как будто ~~они~~ были обмазаны медом. К ~~концу~~ Через 2 недѣли почки лопнули и открылась розетка зеленых продолговатых листочков с нѣжным жестким початком, как свѣчей, по средин.

Сложныя по пяти пластинок листья и в молодости висяли скорщенными. Послѣ они

---

3 темнѣют, расправляются и распускаются разрѣзным вѣером. Соцвѣтія удлиняются бурѣют, и потом лопаются и бѣлыя пышныя кисти, качаясь, покоятся на широкой, темно-зеленой, разрѣзной розеткѣ.

Послѣ цвѣтенія — мохнатые зеленые шарики

На невысоком, безлиственном кустѣ распустились нѣжно розовые, крупныя, как лилии, с освѣжающим лимонным запахом, чашечки магнолии.

Рапорт поручику Г.
командиру полка.

Во время боя 2 сент. под Средниками с 6 бат. 56 бр. прибѣжали нижніе чины с батареи и расказали, что батарея не стрѣляет, т.к. офицеров нѣт. Поручик побѣжал. Офицеров не было, прапорщик сидѣл в окопах. Поручик приказал принести снаряды и стал открыт огонь, поставив „трубку на картечь". При отступленіи „прицѣл 20, трубка 20". Послѣ прибѣжал командир батареи с желѣзным щитом, и закричал: „ребята слушай теперь мою команду". и стал стрѣлять по цѣпям нашего третьяго батальона. Указал ему ошибку.. Потом батарея замолчала. Потом вторично с пулеметами отбивал атаку. Просит награжденія орденом Георгія. Отказано, т.к. прошло 2 мѣсяца и т.к. никто не может себѣ требовать Георгія. Был представлен к Владим.

У Казака загорѣлое молодое
лицо, ~~напоминающее лицо~~
простой женщины с Дона,
в ~~особенности~~ стрѣле глаза нѣжныя очерта-
нія рта, открывающія
при улыбкѣ два ряда чистых
крѣпких зубов и прямой
пробор над невысоким лбом
темных, густых и тонких, волос

У Кѣмца круглое лицо с
жирным, ~~круглым~~ широким подбородком.
На маленьком носу
пенснэ, над крошечным рыжей
поджатым ртом пушистые
зачесанные к носу усы.
Смотрит побѣдоносно, держа голову
вверх

У Наирѣтани розовое холеное
лицо с высокими старчиными
брылами. Над голубыми глазами порода
висящія складками вѣки
Рот при разговорѣ открывается
широко, но старчески и
обнаруживает красный мясистый
язык и вставные зубы.
При разгов.
Он держит на вѣсу руки,
прижатыми локтями к бокам
и вопросительно оглядывает
собесѣдника, наклонив голову
Фельдфебель, одѣтый в сѣрую форму и в майк. пер.
с осанкой и манерами придво-
рного. Лицо энергично с подстриж-
ными усами и мѣшками под глазами

Костлявый длинный нос между тяжелыми щеками

Preghiera di una popolana

Vergine santa, voi che avete concepito senza peccare fatemi la grazia di peccare senza concepire.

За оградой сада росли старыя, очень высокія, развилистыя деревья бѣлой акаціи. Невольно привлек очень сильный конфетно-медовый запах. Акаціи увѣли. Они были чудо обвѣшаны бѣлыми ~~сливочными~~ гроздьями, похожими на тѣ сливочные гирлиры, что бывают на тортах в Кондитерских.

„Укоротят на голов